

Ю. И. СЕЛЕЗНЁВ

Достоевский

<Фрагмент>

Да, удивительная штука жизнь: насколько в юности своей Достоевский чуждался женщин и они, словно чувствуя это, чуждались его, настолько теперь вдруг женщины-то и сделались его главными благодарными поклонницами и почитательницами, понимающими, прощающими ему, не в пример мужчинам, особенно друзьям, собратьям по перу, даже дерзости и «детские» капризы. Словно чутким своим женским чутьем угадывали они в нем бескорыстного друга, всегда готового и способного утешить, поддержать их лучшие духовные силы и потребности, пробудить в них веру в себя, в свое высокое человеческое достоинство. Он никогда не позволял себе дешевых заигрываний, не говоря уже даже о малейших светских намеках на роль соблазнителя, но всегда бывал строг, обращался как с равными, и это нисколько не обижало, напротив, заставляло их тянуться к нему с полным доверием, и он сам видел в них искренних своих друзей. Вот только искусству целовать ручки у дам он так и не обучился...

Но, кажется, более всего любил он бывать в последнее время у вдовы недавно умершего поэта и драматурга, автора «Князя Серебряного» и «Царя Федора Иоанновича», со-творца знаменитого Козьмы Пруткова, Алексея Константиновича Толстого — Софьи Андреевны, которую чрезвычайно ценил за острый ум и доброе сердце. Всегда в черном, уже седая, она все еще впечатляла оригинальностью суждений по литературным и житейским вопросам, любезностью хозяйки литературного салона, привлекавшего и Гончарова, и Тургенева, и других литераторов. Софье Андреевне удалось однажды уговорить и Достоевского прочитать у нее еще не опубликованные главы «Братьев Карамазовых». Они вскоре по-настоящему подружились, так что даже ревнивая Анна Григорьевна не дулась, когда ее заласканный столик знаменитыми жен-

щинами муж, бывало, заходил к Софье Андреевне один, в неприемное время, запросто, «на свою чашку чаю».

Услышав однажды о том потрясении, которое Федор Михайлович испытал в Дрездене перед Рафаэлевой Мадонной, Софья Андреевна чуть не до слез растрогала Достоевского, выписав для него из-за границы прекрасную фотографию с картины. Дорогой сердцу подарок повесил в своем кабинете над диваном, и Анна Григорьевна не раз, входя к нему, «заставала его стоящим перед этою великою картиною в таком глубоком умилении, что он не слышал», как она входила, и она потихоньку удалялась, «чтоб не нарушить его молитвенного настроения».

Лето 79-го, как обычно, проводили в Старой Руссе. И однажды — увидел и не поверил: неужели Анна Васильевна, Анюта?... Господи, как недавно и как давно все это было... Анна Васильевна Корвин-Круковская, теперь в замужестве — Жаклар, отдыхала в это лето тоже в Старой Руссе. Немало переговорили по вечерам с нею и с ее мужем, французом Виктором Жакларом — деятелем I Интернационала, участником Парижской коммуны. Он был приговорен к смертной казни, но им удалось бежать в Россию. Сонечка, влюбленная некогда в Федора Михайловича первой девичьей своей трогательной любовью, ныне уже Софья Васильевна Ковалевская (вышла замуж за ученого-палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского), — первая в России женщина-математик.

Да, сколькими удивительными женщинами одарила судьба Достоевского!.. Надежда Суслова, младшая сестра Аполлинарии, еще в 67-м защитила диссертацию в Цюрихском университете, теперь доктор медицины. Вот только сама Аполлинария промотала, считай, впустую богатые силы своей неумной природы между стареющими эмигрантами, так и не найдя себя вполне ни в их революционности, ни в их страстных взглядах и рукопожатиях с намеком на надежду.

Как все-таки быстро летит время...

Но ни постоянная напряженная работа над романом, ни редкие встречи с близкими людьми все-таки не в силах были развеять того грустного, порою доходящего и до отчаяния, состояния души, в котором он давно уже пребывал. Какое-то роковое, что ли, непонимание самой сущности его проповеди, особенно среди значительной части молодежи, прежде всего либеральной и революционно настроенной, тяготило мысль и сердце. Недавно еще казалось, что чуть не всенародный порыв к освобождению поднявшихся против многовекового порабощения братьев-славян поможет молодежи определить и свое отношение к судьбам самой России, сплотит все лучшие, мыслящие, чистые сердцем силы, но... Молодые радикалы явно избрали путь политического террора, охоты на царя и правительственных чиновников.

В связи с национально-освободительной борьбой на Балканах все чаще можно было услышать мнения о «сомнительных героях и никому не нужных подвигах вроде Шипки...». Достоевскому же хотелось верить, что именно там, в бескорыстной борьбе за освобождение братьев, выковываются сейчас характеры, герои, могущие в недалеком будущем стать основой возрождения и самого русского общества к иной жизни. Вот почему он с таким восторгом отозвался и на приглашение старого своего сотоварища по Инженерному училищу, героя боев на Шипке, Федора Федоровича Радецкого быть на обеде, устраиваемом в его честь. Если не Радецкие — основа будущей России, то кто же тогда? Господа террористы, что ли? Неужто рассчитывают, «убрав» удачным выстрелом или взрывом бомбы какого-нибудь из ненавистных министров, повернуть колесо русской истории? Уберут одного — сядет другой, более ловкий, и только. Бездарного Рейтерна сместили с поста министра финансов (Михаил Христофорович хоть какую-то известность получил: как-никак, а «спаситель Волги»!). На его место тут же не менее бездарный, но более проворный Александр Аггеевич Абаза вспрыгнул, отпрыск известного рода откупщиков неизвестного происхождения, не то персидского, не то еще какого — что ему до России? Насосался один паучок, присосался другой. Нынешний министр финансов Самуил Алексеевич Грейг решил «охватить кабаком» все возвращающиеся с Балкан силы и тем поправить денежное состояние государства, под коим подобные деятели разумеют не народ, естественно, а только одну административную верхушку, не забывая при этом о самих себе прежде всего, конечно. Первый государственный шаг министра состоял в ассигновании им двухсот с лишком тысяч на отделку собственной квартиры с фонтанами и зимним садом. Это сколько ж сивухи надобно влить в себя бедному русскому мужику, тем же доблестным «братушкам», израненным в турецкой мясорубке, чтобы оплатить одно только это «государственное» мероприятие? Не очищают ли господа террористы, бессознательно конечно, своими акциями дорогу на высшие государственные посты подобным дельцам, более обходительным, нежели прежние, иезуитски утонченным, даже и европейски либеральным?

Нет, либо Радецкие, либо Грейги — вот единственный пока выбор, возможный при нынешнем состоянии общества, думалось Достоевскому.

Бездейственность, антинародность политики высшей власти — он ясно сознавал это — превращались в пособничество врагам России, о чем явно свидетельствовала ему и неспособность правительства достойно защитить интересы страны и славянских народов в дипломатических баталиях в ходе и особенно по окончании русско-турецкой войны.

В июне 78-го года оппозиция правительству со стороны патриотически настроенных кругов вырвалась наружу из-под спуда — глава

нынешней партии славянофилов Иван Аксаков произнес в Московском славянском комитете гневную речь против правительства, согласившегося на условия Берлинского конгресса по подписанию мира с Турцией, ущемлявшего интересы славянских народов. Славянский комитет был немедленно закрыт, сам Аксаков выслан в деревню впредь до решения его дальнейшей судьбы, на его какие бы то ни было публичные выступления, письменные или устные, наложен запрет.

Успехи русских войск на Балканах серьезно встревожили Пруссию и Австро-Венгрию, под властью которых также пребывало немало славянских территорий и народов и которые лелеяли вполне реальные планы новых приобретений за счет славян. Но более всего насторожилась Англия — выход России к Средиземному морю сознавался как угроза безраздельному морскому владычеству Британии. Премьер-министр Дизраэли начал кампанию подготовки шовинистических настроений внутри Англии и антирусских — во всей Европе, так что вскоре освободительная война обратилась в общественном мнении европейцев чуть ли не в варварскую попытку России отнять у несчастной Турции ее законные территории, населенные славянскими рабами. Дизраэли готовил Европу к безоговорочному признанию права Англии на протекторат над Константинополем, в противном случае его захватит Россия, и что тогда будет! — страшно подумать, что тогда будет! Английский флот двинулся к Константинополю, несмотря на официальное заявление русского правительства о том, что захват Константинополя не входит в планы России.

Именно в это время Достоевский и заявил в «Дневнике писателя»: «Константинополь должен быть наш», то есть, объяснял он, Константинополь должен стать свободным, но под защитой России, иначе Англия навсегда закроет ей выход в Средиземноморье и будет единолично диктовать свою волю и России, и балканским славянам.

Господи, какой же шум подняла либеральная пресса: Достоевский — шовинист! Достоевский толкает Россию на войну с Англией! Достоевский — кровожаден!

Русский посол в Англии, недавний управляющий III отделением граф Шувалов, прославившийся в свое время как крупный либерал, пытавшийся подменить проблему отмены крепостного права вопросом об упразднении черты оседлости, ныне ярый сторонник политики Дизраэли, чуть не открыто проводил проанглийскую линию дипломатии. Видя, что царь колеблется, Шувалов накануне Берлинского конгресса заявил, что отправится в Петербург воевать с русской партией, мешающей императору пойти навстречу требованиям Дизраэли. Он убеждал царя пойти на значительные уступки интересам Англии, Австро-Венгрии и Пруссии, восставших против создания на Балканах

большого славянского государства и требовавших разделения Болгарии, отдания западной ее части под власть Австро-Венгрии и образования на остальной территории мелких автономных княжеств. Царское правительство никак не могло решиться ни на позицию жестких требований, ни на уступки. Переговоры затягивались, Англия и Австро-Венгрия спешно перевооружались, в то время как русская армия вымирала от тифа под стенами Константинополя, без единого выстрела, не получая приказа ни на штурм, ни на отход.

13 июля 78-го года в Берлине наконец был подписан мирный договор, по которому благодаря отсутствию какой-либо воли со стороны царской администрации хоть на что-нибудь решиться Россия лишилась большинства плодов победы, доставшейся ценой гибели десятков тысяч ее воинов. Англия же приобрела Кипр, Австрия — Боснию и Герцеговину, не сделав ни единого выстрела, не потеряв ни одного солдата...

Неумение и нежелание царского правительства достойно защитить не только интересы освободившихся из-под турецкого ига балканских народов, но даже и свои собственные вызвали волну недоверия к России вообще и среди самих славян, что подрывало самые основы того нравственного, духовного единения братских народов, о котором мечтали патриотически настроенные круги внутри России, к которым принадлежал и Достоевский.

Он пребывал в состоянии умственного брожения: не питая уже никаких иллюзий в отношении Александра II и его администрации, он все еще строил в своем воображении утопию о монархе нового типа — мудром патриархе, пастыре народа, ибо, считал он, без пастуха овцы не стадо, а где много пастухов, там овцыдохнут. Пренебрежение принципами единоначалия ведет к разброду, создает условия для проникновения в высший государственный аппарат проходимцев, чьи интересы чужды и прямо враждебны народу и государству.

«Я, как и Пушкин, слуга царю, — записывает он неясные еще, требующие от него самого обдумывания и уточнения мысли, — потому что дети его, народ его... Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети». И горько заключает: «Что-то очень уж долго не верит...»

Ему мечталось общество во главе с народным царем, отцом народа, какая-то невиданная народная монархия, потому что, записывает он, демократические начала уходят в глубочайшие традиции русского общественного сознания, и они куда более древни, чем европейские. Как, впрочем, и традиции республиканские. Но республиканское правление, считал он, только тогда будет истинно народным, когда определятся действительно лучшие люди и прежде всего из среды самого народа,

иначе в пастыри общества быстро проникнут те, у кого больше денег, как это и случилось во Франции. Потому и боялся революции — не ради себя, ради народа и России боялся, поскольку убедился на европейском опыте — плодами революции тотчас воспользуется всемогущий мировой буржуа.

Мысль металась, не находя покоя, не имея на чем остановиться. Нужны были не утопии, но нечто реальное, решительное. Нужна революция нравственная, духовная, революция сознания — тогда устроится и общежитие человеческое на новых уже основаниях, думалось ему теперь. Нужна победа над ненасытным пауком буржуазности внутри себя — тогда будет одолен и мировой паук, а возрожденный к общественной жизни народ, да-да, сам народ отыщет для себя лучшие формы его земного устройства, соответствующие его нравственным идеалам. Нужно нечто кардинальное, и немедленно, ибо время при дверях: *Piccola bestia* уже забежала в дверь, и если разврат буржуазности соблазнит народ, тогда всему конец, тогда-то и преклонится земля пред апокалипсическим зверем.

В полумеры он давно уже не верил, упования на конституцию (о ней сейчас немало разговоров), которая позволила бы либералам представлять интересы всего народа, вызывали у него злой сарказм. «Конституция. Да вы будете представлять интересы нашего общества, — заносит он в записную тетрадь мысли, которые рассчитывал еще развернуть и обосновать в будущих выпусках «Дневника», — но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять! Пушек на него будете выпрашивать! А печать-то — печать в Сибирь сошлете, чуть она не по вас! Не только сказать против вас, да и дыхнуть ей при вас нельзя будет». Деспотизм буржуазного либерализма, чувствовал он, будет страшнее любого иного деспотизма, ибо конституционные свободы, за которые ратуют либералы, открывают путь власти международного золотого мешка, а уж для него либерально только то, что служит ему, укрепляет и прославляет и возводит в идеал. Все же остальное враждебно ему, а потому нелиберально, опасно и подлежит либо купле, либо... уничтожению.

Потому-то и вывело его из себя последнее выступление Тургенева на недавнем, 13 марта, обеде петербургских профессоров, на котором чувствовали приехавшего на побывку из Европы Ивана Сергеевича известные либералы — Костомаров, Кавелин, Спасович... Пригласили и Достоевского с Майковым, да, видно, зря, не стоило этого делать. Молодежи собралось множество. Тургенев, имевший слабость почитать себя духовным учителем общества и привыкший к поклонению со стороны молодежи, в последнее время чувствовал охлаждение к себе и, может быть, потому в этот раз особенно явно заигрывал с ней ли-

беральными речами. Провозгласив тост за молодость, за ее будущее, за счастливое и здоровое развитие ее судеб, он закончил уверенностью в том, что молодое поколение доведет дело отцов до победы — достойным увенчанием здания... Либерально настроенная часть молодежи и старых профессоров правильно поняла туманную фразу Ивана Сергеевича: он намекал на конституцию. Восторг захлестнул было торжественную залу, но все испортил этот сумасшедший, этот бесноватый Достоевский — попросил слова и вместо того, чтобы выразить признательность Ивану Сергеевичу за его смелую, благородную речь, вдруг, обернувшись к нему, язвительно потребовал:

— Скажите же прямо, каков ваш идеал? — говорите! — и, не дожидаясь даже ответа от опешившего Тургенева, махнул, как бы безнадежно, рукой, отвернулся и уселся на место. Шум, конечно, поднялся невероятный, шикали, даже свистели, большинство бросилось утешать Ивана Сергеевича, но подходили и к Федору Михайловичу, задавали вопросы, он отвечал.

Настроение было скверным: ну чего добился? Либералов от либерализмов не излечишь, а на себя наверняка натравишь всю их ораву. Теперь только и жди, какую новую сплетню пустят о нем гулять по Руси-матушке.

